

★ Даниил ВЕКОВ ★

СТАЛЬНОЙ ИЗЛОМ

ВОЛОКОЛАМСКИЙ РУБЕЖ

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Даниил Веков

**Стальной излом.
Волоколамский рубеж**

«Махров»

2020

УДК 94
ББК 63.3(0)

Веков Д.

Стальной излом. Волоколамский рубеж / Д. Веков — «Махров»,
2020 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

ISBN 978-5-00155-207-9

Ноябрь 1941-го года... Под Москвой продолжается операция «Тайфун» — последняя попытка группы армий «Центр» овладеть столицей Советского Союза. Более пятидесяти дивизий, в том числе тринадцать танковых и семь моторизованных, брошены в последнее, решающее наступление. Фашисты спешат: до зимы всего ничего, а Москва не взята. Значит, не будет победного парада на Красной площади, зимовки в теплых городских квартирах, и долгожданного отпуска домой... Наиболее упорные, жаркие бои идут на Волоколамском направлении, где немцам противостоят пехотинцы Панфилова, кавалеристы Доватора и танкисты Катукова. В боях на Истре, под Солнечногорском и Крюково советские воины разгромят гитлеровские армады и развенчают миф о непобедимости Вермахта. Роман основан на реальных событиях.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00155-207-9

© Веков Д., 2020
© Махров, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	17
Глава третья	23
Глава четвёртая	29
Часть вторая	35
Глава пятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Даниил Веков

Стальной излом. Волоколамский рубеж

*Посвящается деду,
Петру Васильевичу Сергееву, защитнику Москвы*

© Веков Д., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

Пролог

Большие напольные часы в углу кабинета гулко пробили двенадцать раз. Верховный оторвал взгляд от документов, которые бегло просматривал, поднял голову, прислушался – уже полночь. Значит, закончился наконец этот необычно длинный и очень важный осенний день – 7 ноября 1941 года.

Сталин тяжело поднялся из-за стола, подошёл к окну, чуть отодвинул плотную, тяжёлую светозащитную штору. В двойные стёкла бил сильный ветер, над Москвой бушевала метель. Неслись по небу холодные вихри, засыпали спящий город колючим снегом... Привычных рубиновых звёзд над кремлёвскими башнями не было видно – после парада их опять отключили и зачехлили. Они сияли всего лишь час ярким тёмно-рубиновым светом, но торжественно и победно. Как раньше, как всегда, как было и в будние дни, и в праздники. И это был очень важный час, час нашего мужества, негибимой воли и уверенности в победе... Здание Мавзолея и трибуны после торжественного прохождения войск тоже спешно замаскировали, закрыли большими деревянными щитами, и на Красной площади снова всё стало буднично и пусто. На серую брусчатку лёг свежий снег, и не осталось никаких следов от недавнего военного парада...

Сталин немного постоял, подумал, мысленно перенёсся на несколько часов назад, когда он ранним утром поднялся на трибуну Мавзолея и с удовольствием увидел ровные, стройные «коробки» готовых к параду батальонов. Он смотрел на курсантов-артиллеристов и воинов народного ополчения, на моряков и мотострелков, на зенитчиков и кавалеристов... Длинная цепочка парадного охранения растянулась от Исторического музея до самого Васильевского спуска...

Ровно в восемь часов, после боя курантов, из ворот Спасской башни выехал на гнедом жеребце маршал Будённый. Хотя и располнел Семён Михайлович за последнее время, погрузнел от спокойной жизни, но всё ещё держался молодцом: настоящий кавалерист! В лихо сдвинутой на бок папахе, с шашкой на боку, он бодро проскакал по Красной площади. Навстречу ему крупной рысью вылетел генерал-лейтенант Павел Артемьев, командующий парадом, доложил о полной готовности.

Начался традиционный объезд участников парада: маршал Будённый громко приветствовал бойцов и командиров, поздравлял с очередной годовщиной Великого Октября, ему, как и положено, отвечали дружным, раскатистым «Ура!». Затем Семён Михайлович ловко соскочил с седла, поднялся на трибуну Мавзолея, доложил о готовности самому Верховному.

Люди на Красной площади замерли – под громкий фанфарный сигнал «Слушайте все!». Сталин подошёл к микрофону, начал говорить:

– Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентского труда, братья и сёстры в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны и партизанки, разрушающие тылы немецких захватчиков! От имени Советского правительства и нашей большевистской партии приветствую вас и поздравляю с двадцать четвёртой годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Товарищи! Вероломное нападение немецких разбойников и навязанная нам война создали угрозу для нашей страны. Мы потеряли временно ряд областей, враг очутился у ворот Ленинграда и Москвы. Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но он жестоко просчитался. Несмотря на временные неудачи, наша армия и наш флот героически отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжёлый урон, а наша страна организовалась в единый лагерь, чтобы вместе с армией и флотом осуществить разгром немецких захватчиков. Бывали дни, когда страна находилась в ещё более тяжёлом положении. Вспомните восемнадцатый год, когда

мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти страны находилось в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны. У нас не было союзников, не было Красной Армии, мы её только начали создавать, не хватало хлеба, не хватало вооружения, не хватало обмундирования. Четырнадцать государств наседали тогда на нашу землю. Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали мы Красную Армию и превратили страну в военный лагерь... Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы. Теперь положение нашей страны куда лучше. У нас есть союзники, держащие вместе с нами единый фронт против немецких захватчиков. Мы имеем армию и флот, грудью отстаивающие свободу и независимость нашей Родины. У нас нет серьёзной нехватки ни в продовольствии, ни в вооружении, ни в обмундировании. Вся наша страна, все народы подпирают армию, флот, помогая разбить захватнические орды немецких фашистов. Наши людские резервы неисчерпаемы.

Враг не так силён, как изображают его перепуганные интеллигентики. Кто может отрицать, что Красная Армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска? Если судить не по хвастливым заявлениям немецких пропагандистов, а по действительному положению Германии, нетрудно понять, что немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой. Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения...

Товарищи!.. На вас смотрит мир как на силу, способную уничтожить разбойничьи орды немецких захватчиков. На вас смотрят порабощённые народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! За полный разгром немецких захватчиков! Смерть немецким оккупантам!..

После выступления Верховного сводный оркестр на Красной площади заиграл «Интернационал», а с Софийской набережной ударил орудийный салют. Затем был военный парад. Первыми, как обычно, прошли курсанты столичных военных училищ: 1-го Московского артиллерийского, училища им. Верховного Совета РСФСР и Военно-политического училища, за ними – Московский флотский экипаж, батальоны 1-го мотострелкового полка НКВД, пулемётчики, бойцы народного ополчения...

После этого поскакали конники, поэскадронно, с длинными пиками вверх. Лошади скользили на мокрой, обледенелой брусчатке, строй то и дело сбивался, штандарты на высоких пиках опасно колыхались. Следом за кавалеристами вылетели с лихим разворотом и грохотом прославленные пулемётные тачанки. Они вызвали у зрителей бурю аплодисментов: ими гордились, их любили, о них слагали песни. Затем показались мотострелки, зенитчики, артиллеристы (на грузовиках, с орудиями на прицепах), прошли батальоны Всеобуча и красногвардейцев-ветеранов...

И вот наконец на площади появилась бронетехника – согласно классам машин: сначала лёгкие, скоростные БТ-7 и Т-60, потом – средние Т-34 и в финале тяжёлые, грозные «Ворошиловы». Сталин и члены Политбюро с гордостью смотрели на них: есть у нас ещё боевая техника! Есть чем ответить гитлеровцам!

Парад длился недолго (военное время же!), а сразу после него танки, артиллерия и пехота пошли на фронт – бить врага, защищать дорогую столицу. Не было времени даже как следует отметить праздник...

Сталин вздохнул и отошёл от окна. Привычным жестом достал из кармана трубку, поискал глазами на письменном столе папиросы. Нашёл, взял в руки коробку. Папиросы «Герцеговина Флор» нравились ему больше всего – за крепкий, душистый, очень приятный запах.

Достал из коробки две штуки, разорвал бумажные гильзы, плотно набил табаком чашечку трубки. И ещё примял его большим пальцем правой руки. Затем чиркнул спичкой.

Со вкусом закурил, сделал пару глубоких затяжек. «Да, положение на Западном фронте сейчас тяжёлое, – думал он, – немцы бешено рвутся к Москве, ситуация на ряде направлений критическая, но нужно выстоять, вытерпеть. Вермахт уже потерял прежнюю ударную силу, понёс большие потери, выдохся. Нет у немцев прежней наглости и уверенности, заметно поубавилось и спеси. Танковые клинья Гудериана то и дело вязнут в нашей обороне, его удары становятся всё слабее. Если раньше панцерные дивизии могли наступать на широком фронте, проходить за день десятки километров, то теперь только на небольшом участке и лишь короткие дистанции...

Тем не менее немецкий стальной каток по-прежнему катится к Москве (пусть и гораздо медленнее, с задержками), танковые группы Рейнгардта, Гёпнера, Гудериана угрожают столице. И особенно тревожное положение под Волоколамском. Если гитлеровские танки оседают Волоколамское шоссе (что не исключено!), то через два-три дня смогут достичь окраин Москвы. А у нас против них одна 16-я армия генерала Рокоссовского, собранная буквально сбору по сосенке: остатки потрёпанных стрелковых дивизий, зенитчики, народные ополченцы, спешно переброшенные курсанты. Хорошо, успели подтянуть 4-ю танковую бригаду Катукова и кавалерийский корпус Доватора, иначе бы Рокоссовскому было не выстоять. Но надо ему ещё и артиллерии подбросить, давно об этом просит. И то верно: одними гранатами да бутылками с зажигательной смесью немецкий танковый каток не остановить. И ещё бы парочку стрелковых дивизий, чтобы заткнуть самые опасные бреши. Но где их взять?»

Сталин вздохнул и вернулся на своё место – работать. Страна не спит, борется, сражается, и он, Верховный Главнокомандующий, Председатель ГКО, не имеет права отдыхать. По крайней мере, до тех пор, пока не сделает всё, что было запланировано на сегодня. И на завтра – раз уже наступило восьмое ноября.

* * *

Сообщения Советского информбюро Утреннее сообщение 8 ноября 1941 года

В течение ночи на 8 ноября наши войска вели бои с противником на всех фронтах.

Наши авиачасти, действующие на Западном фронте, 5 ноября сбили 6 немецких самолётов, уничтожили 42 танка, 124 автомашины с пехотой и военными грузами, 80 повозок и до 2 батальонов противника. Особенно отличились за этот день авиаподразделения под командованием старшего лейтенанта Мокрусова и лейтенанта Немятого, уничтожив в районе Д. и М. 25 немецких танков, 65 автомашин, 10 орудий и до 500 солдат и офицеров противника.

* * *

Из дневника начальника Генштаба ОКХ Франца Гальдера 7 ноября 1941 года, 139-й день войны

Обстановка на фронте:

В Крыму – незначительное продвижение наших войск. На фронте 1-й танковой армии отмечено небольшое продвижение в полосе 14-го моторизованного корпуса. Соппротивление противника возросло.

В остальном действия войск групп армий «Юг» и «Центр» полностью скованы безнадежно плохими условиями погоды. Неясно положение на восточном фланге 2-й танковой армии. Крупного контрнаступления в честь годовщины Октябрьской революции не последовало.

На фронте группы армий «Север» противник предпринял атаку с ограниченными целями в направлении Грузино. Наши войска несколько продвинулись, наступая на Тихвин. Командование группы армий «Север» снова проявляет нервозность, опасаясь сильных атак противника из района Ленинграда, и требует подкреплений.

Главком был на совещании у фюрера:

1. Фюрер считает, что есть три района, которые могут стать для нас опасными в будущем (кроме Средиземноморского театра, который стоит на первом плане): а) Район Мурманска, где возможен английский десант. Весной туда будет отправлена ещё одна лёгкая пехотная дивизия. б) Центральный район, где наблюдается активизация русских. То, что не сумеем сделать в этом году, следует провести в будущем году. Необходимо продвинуться до Волги. Экспедиционные действия. в) Нефтеносные районы (Кавказа). Овладение ими придётся перенести на будущий год. Относительно захвата остальных районов России пока нет никаких планов.

* * *

Из дневника командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Федора фон Бока

8.11.41

На южном фланге 2-й танковой армии продолжаются атаки противника; отогнать его всякий раз стоит немалых трудов. Многие моторизованные подразделения армии всё ещё стоят как вкопанные на заполненной жидкой грязью дороге Тула – Орёл – Карачев. Части одной из дивизий застряли в Севске. Это примерно в 300 километрах от Тулы. Принимая во внимание нынешнее потепление, сомнительно, чтобы все эти части подтянулись к Туле в ближайшее время. На левом фланге 9-й армии 253-я дивизия пробивается с боями через позиции противника у Волги.

9.11.41

Положение Гудериана завидным никак не назовёшь. Противник подтянул свежие части и продолжает упорно атаковать южный фланг его танковой армии. Я направил 4-й армии приказ оказать всю возможную поддержку атаке Гудериана в районе Алексина.

9-я армия назвала в качестве даты наступления 12 ноября, но опасается, что как следует подготовиться к атаке к этому времени не успеет.

10.11.41

Продолжаются тяжёлые бои на правом крыле танковой армии на юге и юго-востоке от Тулы. Медленное продвижение северного крыла 2-й армии оказывает определенное воздействие на противника, но на обстановке под Тулой это пока не сказывается. Противник проводит атаки местного значения на фронте 4-й армии и значительно более мощные против левого крыла 9-й армии, где противнику удалось добиться ограниченного успеха.

Температура упала. Снова начинает подмораживать.

Часть первая

Последний батальон

Глава первая

Начало ноября ознаменовалось для Кости Чуева сразу тремя важными (и очень приятными) событиями. Во-первых, ему присвоили звание старшего лейтенанта, и он смог наконец привинтить к петлицам заслуженный третий кубик. Во-вторых, за героические действия под Мценском его представили к высокой награде – ордену Красной Звезды. Заслужил, что и говорить: на счету его экипажа больше десятка вражеских машин, а вся рота за месяц уничтожила не менее двадцати немецких танков. И это не считая грузовиков, тягачей, бронетранспортёров и прочей техники!

Впрочем, за бои под Мценском отметили всю героическую 4-ю танковую бригаду Михаила Катукова, которая мужественно обороняла рубеж на Зуше и смогла не только остановить 4-й панцерную дивизию Лангермана, прущую на Тулу, задержать её на десять дней, но и нанести ей серьёзный урон в живой силе и технике. Упорные бои под Мценском, по сути, сорвали наступление всей 2-й танковой армии Гудериана на северо-восток, на Тулу, Каширу и Коломну, не позволили обойти Москву, соединиться с 3-й и 4-й немецкими танковыми группами и замкнуть кольцо вокруг столицы. За эти боевые заслуги 4-ю танковую бригаду переименовали в 1-ю гвардейскую, а её командира, полковника Михаила Катукова, повысили в звании до генерал-майора и наградили орденом Ленина.

Наконец, в-третьих (и это самое главное!), Костя Чуев принял участие в праздничном параде на Красной площади. Ранним утром 7 ноября три его «тридцатьчетвёрки» торжественно прошли перед Мавзолеем, где на трибуне стояли товарищ Сталин и члены Политбюро. Такое не забудется никогда!

После парада Костины «тридцатьчетвёрки» вернулись в родную часть – дальше бить врага. Четвёртую танковую бригаду по личному распоряжению Сталина включили в 16-ю армию генерал-лейтенанта Рокоссовского (Западный фронт) и поставили на шоссе Волоколамск – Москва: нужно срочно прикрыть очень важное (и весьма танкоопасное!) направление. Новый рубеж обороны проходил теперь через Моисеевку, Ченцы, Большое Никольское, Тетерино и разъезд Дубосеково. Вместе с катуковцами плечом к плечу сражались воины 316-й дивизии генерала Панфилова и конники Льва Доватора.

Линия обороны, правда, получилась довольно жидкой, а передовые позиции – очень растянутыми: на каждый стрелковый батальон вышло по пять-шесть километров... Столько, сколько полагалось на целый полк (и то – много). В тылу же резервов почти не было, поэтому и надёжной глубины позиций не получилось: развернулись, по сути, в один эшелон. Но что делать? Больше сил не было.

На защиту любимой столицы бросили буквально всё, что удалось наскрести: курсантов-артиллеристов (вместе с преподавателями и учебными орудиями), ополченцев-добровольцев, зенитчиков (с их слабыми 25-мм пушечками), временно переведя их в противотанкисты. Главные надежды, конечно, возлагались на бронетехнику: она должна отразить немецкий стальной удар. И танкисты не подвели, выполнили свою задачу достойно – сражались умело и мужественно.

Что, к сожалению, нельзя было сказать о некоторых стрелковых частях: там дело с боеспособностью подчас обстояло совсем плохо. Фронтовые стрелковые полки и дивизии понесли серьёзные потери, а призывники не имели никакого боевого опыта. Не было ни времени, ни

людей как следует их подготовить. Молодые бойцы, особенно из Средней Азии, откровенно боялись громкой канонады и внезапных артиллерийских обстрелов.

Но ещё больше – налётов немецкой авиации: при виде «Юнкерсов» они падали на землю, закрывали головы руками и начинали шептать молитвы, вместо того чтобы искать укрытия и прятаться. При появлении же танков вообще всё бросали и бежали куда глаза глядят. Возникала паника, позиции оставались без всякого приказа.

Маршевые роты, состоящие из таких вот бойцов, шли к передовой крайне медленно, неохотно, приходилось их подгонять чуть ли не пинками. Если кого-то из них случайно задевало пулей или осколком, то остальные сбивались вокруг в кучу и принимались громко причитать. И снова молиться. А затем всеми правдами и неправдами старались как можно скорее убраться дальше от передовой – куда-нибудь в тыл. Одного раненого (даже легко!) тащили в госпиталь вшестером, а то и ввосьмером.

И вот с такими необстрелянными, неопытными, неумелыми бойцами советским командирам приходилось сражаться с хорошо подготовленными, уверенными в себе немцами, имеющими не только основательный военный опыт, но и соответствующий настрой: как можно скорее дойти до Москвы и с победой завершить Восточную кампанию. Чтобы к Рождеству (в крайнем случае – к Новому году) вернуться домой к жене и детям. Или к давно ждавшейся невесте.

К счастью, в 4-й танковой бригаде таких проблем не было, все экипажи и мотострелки уже прошли огненное крещение под Мценском (а кто-то, как, например, Костя Чуев, ещё раньше – в июне-июле 1941-го), уже дрались с гитлеровцами и прекрасно знали, как их следует бить. И оставаться при этом живыми.

Наибольшее беспокойство у командования 16-й армией вызывала ситуация у Скирманова. Гитлеровцы в конце октября – начале ноября захватили село и создали довольно существенную угрозу для советских частей. Образовался опасный выступ, откуда немецкие танки могли нанести быстрый и болезненный удар не только по 16-армии, но и по всем тыловым частям Западного фронта. Панцергренадёры генерал-полковника Эриха Гёпнера (4-я танковая группа) получили реальный шанс дойти даже до самой Москвы, до которой им оставалось всего ничего – по сути, два-три дневных перехода. К тому же немецкая артиллерия, стоявшая на Скирмановских высотах, ежедневно обстреливала дороги, по которым шло снабжение 16-й армии. Что делало задачу ликвидации плацдарма ещё более актуальной.

Следовало во что бы то ни стало убрать эту угрозу и срезать опасный выступ. Но с первого раза выбить гитлеровцев не удалось: 10-я панцерная дивизия генерала Фишера отразила все попытки советской 18-й стрелковой дивизии с ходу взять Скирманово. По правде говоря, шансов у полковника Чернышёва на успех было очень мало: гитлеровцы, понимая значение Скирмановских высот, засели прочно, укрепились основательно. Врыли в землю танкеры, превратив их, по сути, в броневые ДОТы (только на одной высоте 260,4 таких было пять штук), сельские улицы и переулки перекрыли баррикадами, а избы, амбары, сараи, бани и даже курятники превратили в ДЗОТы. На окраинах же установили противотанковые пушки и миномётные батареи. Ну и, само собой, приготовили блиндажи, пулемётные гнезда, траншеи, ходы сообщений. Причём сделано всё это было на совесть, как и полагается в Вермахте – орднунг!

И ещё позиции у гитлеровцев были на редкость удачные: на высоких холмах, откуда отлично просматривались и простреливались все подходы. Для обороны подготовили даже деревенское кладбище – тоже натыкали в нём огневых точек. Скирманово защищали тридцать пять броневых машин 7-го танкового полка майора Рудольфа Герхарда и мотопехотный батальон 86-го пехотного полка, а в соседнем Козлове стояли наготове ещё десять резервных танков и одна пехотная рота.

Немецкие солдаты понимали, что только от них самих зависит, будут ли они зимовать в тёплых московских квартирах или же останутся мёрзнуть в холодных блиндажах и ледяных

окопах в чистом поле, а потому были настроены решительно. Генерал-майор Фишер со своей стороны сделал всё возможное и даже невозможное, чтобы отстоять село – при любых условиях! Пусть хоть целая армия на него пойдёт!

И вначале успех ему сопутствовал: разрозненные и, прямо скажем, не слишком организованные наскоки 18-й дивизии полковника Чернышёва он отбил довольно легко. Тем более что основу дивизии составляли московские ополченцы, не имевшие, по сути своей, вообще никакой военной подготовки. И рабочие батальоны, понеся большие потери, вынужденно откатились назад...

Генерал-лейтенант Рокоссовский, правильно оценив обстановку, решил создать для штурма Скирманова особую группу, куда, помимо танкистов Катукowa, включил мотострелков, конников 50-й кавалерийской дивизии генерала Плиева и броневые машины 27-й и 28-й танковых бригад. Но главный удар, с фронта, наносили именно катуковцы. Именно им предстояло уничтожить немецкие танки, защищавшие Скирмановo, подавить пулемёты, миномёты, артиллерию и ворваться в село.

Дальше в дело должны были вступить мотострелки: они очистят село от остатков немецкого гарнизона и займут высоты. К сожалению, броневых сил у бригады было не так много, на ходу всего семнадцать боевых машин: два тяжёлых КВ, девять средних Т-34 и шесть лёгких «бэтэшек». Остальные танки были или безвозвратно потеряны, или ещё находились в ремонте.

Танковый прорыв решили поддерживать огнём трёх дивизионов гвардейских реактивных миномётов, «катюш». Они могли уничтожить всё, что попадало под их залп: людей, бронетехнику, артиллерию, укрепления. Длинные красные стрелы дружно взлетали в небо с тонким, протяжным «пи-и-и-у-у-пи-и-и-у-у» и резко падали вниз, выжигая целые гектары. После такого удара на земле оставались лишь чёрные обгорелые скелеты немецких танков и машин, разбитые артиллерийские орудия, сотни исковерканных, разорванных, обугленных человеческих тел. Хотя иногда даже этого от людей не оставалось – сгорали дотла. А в воздухе ещё долго потом висел смрадный, удушливый запах смерти...

* * *

Задача, поставленная перед ротой Кости Чуева, была простой и понятной: выбить гитлеровцев с восточных окраин Скирманова. Атаковать следовало только по фронту – иного пути не было: слева и справа – глубокие овраги, заполненные снегом, никак не пробиться. Зайти же с тыла тоже не получалось – слишком уж далеко. Как ни крути, что ни придумывай, а вариант, по сути, имелся только один – в лоб, нагло, надеясь лишь на свою броню, манёвренность и скорость.

Разумеется, атаковал Костя не один, а вместе с другими танками. Три его «тридцатьчетвёрки» (одна всё ещё находилась в ремонте – полетела трансмиссия) лишь начинали бой, главной задачей было выявить огневые точки противника, а уничтожать их будут два тяжёлых КВ, идущие следом (это первый эшелон атакующих). Именно «Ворошиловым» поручалось одним мощным ударом прорвать немецкую оборону и открыть путь машинам капитана Гусева (это второй эшелон). А за ними вплотную пойдут «бэтэшки» и «тридцатьчетвёрки» старшего лейтенанта Александра Бурды и мотострелки (третий эшелон).

Чтобы отвлечь внимание гитлеровцев, не дать им подтянуть резервы, 16-я армия одновременно наносила два фланговых удара: 27-я и 28-я танковые бригады вместе с ополченцами Чернышёва атаковали ещё с двух направлений, связывая противника боем.

«Тридцатьчетвёрки» Кости Чуева замерли на опушке небольшого соснового леса. До цели, восточной окраины Скирманова, было совсем близко – чуть более километра, но его ещё следовало пройти – через чистое, снежное поле. Ноябрьское утро выдалось неожиданно ясным и солнечным – совсем не таким, как во все предыдущие дни: мрачные, серые, пасмурные, с

переменными дождями и мокрым снегом. Небо радовало на редкость чистой, прозрачной голубизной, ярко светило, но не грело зимнее солнце. «Эх, в такую погоду бы – и на лыжах, – думал Костя, – пробежать километров десять-пятнадцать, глотнуть полной грудью свежего морозного воздуха!» Но эта возможность, скорее всего, представится ему только после войны...

Бой, как всегда, начала артиллерия: глухо забили наши полковые пушки, и на окраине снежного поля появились первые белые фонтаны. От оружейного гула заложило уши, откуда-то сверху посыпались на машины сухие ветки и жёлтая хвоя. Экипажи пока терпеливо ждали – время не настало.

Внутри «тридцатьчетвёрок» было холодно – мороз за ночь выстудил стальные коробки, и снаружи был уже приличный минус. И не повернёшься ведь никак, не погреешься, руками-ногами не помашешь – места совсем нет. Наконец артобстрел закончился, по радиии передали приказ Михаила Катукора: «Всем вперёд, в атаку!». Первыми, как и было условлено, на белое поле вылетели «тридцатьчетвёрки» Чуева. Шли нагло, в лоб, напролом, сознательно подставляясь под вражеские выстрелы. Машины грозно ревели и лязгали гусеницами, за кормой вился на морозе сизый дымок...

Ответ немцев не заставил себя долго ждать: откуда-то от крайних изб забухали пушки, затем дружно заработали миномёты. Костя всё подгонял и подгонял своего мехвода Ивана Лесового: давай, выжимай, сколько можешь! Через несколько минут стало понятно, что по «тридцатьчетвёркам» бьют не только немецкие противотанковые пушки, но и тщательно спрятанные где-то на окраине танкеры – их глухие протяжные выстрелы ни с чем не спутаешь! Так где же они? Ага, вон там: два слева и справа, закопаны в землю, ещё столько же, если судить по вспышкам, стоят в соседних амбарах, ведут огонь через окна-амбразуры. Неплохо придумано – стены толстые, бревенчатые, легко примут на себя удар бронебойного снаряда...

Вскоре в дело вступили и немецкие пулемётчики – застрекотали сразу из нескольких мест. Гитлеровцы стреляли из всего, что только имелось, пули звонко, противно щелкали по башне и корпусу. К счастью, прочной 45-мм броне они не были страшны... Опытный Иван Лесовой кидал танк то влево, то вправо, уклоняясь от главной опасности – прямых артиллерийских попаданий. Немецкие бронебойные болванки чиркали по башне, потом, срикошетив, со звоном отлетали куда-то в снег, который из чистого и белого вскоре стал грязно-серым, исчерченным гусеницами, изрытым чёрными, дымящимися воронками.

«Короткая!» – крикнул Костя и слегка толкнул носком сапога мехвода Лесового, тот резко остановил машину. «Тридцатьчетвёрка», качнувшись пару раз вперёд-назад, встала. Костя показал кулак заряжающему Борису Локтеву: значит, бронебойный. Надо сначала разобратся с зарытыми танкерами, они мешали прорваться в село. Борис кивнул и со звоном закатил снаряд в казённый – готово, командир!

Костя припал к оружейному прицелу. Он метил в «тройку», спрятанную по самую башню в землю примерно в полукилометре. Надо расчистить себе путь. Совместил марку прицела со лбом танкера, потом нажал ногой на педаль внизу – выстрел! Орудие отрывисто бабахнуло, Т-34 слегка присел на гусеницах, тяжёлая чушка полетела в Рз.П. Удар! От лобастой, почти квадратной башни брызнули во все стороны яркие красно-жёлтые искры. Но броню снаряд не пробил, болванка лишь срикошетила.

– Влево! – крикнул Костя Лесовому и толкнул в плечо ногой. – Уводи!

Мехвод и сам знал, что пора убираться: налёт на рычаги, и Т-34 со стальным скрежетом и металлическим стоном рванул с места. Очень даже вовремя: через пару секунд позади него встал высокий чёрно-красный фонтан – в дело включилась более серьёзная артиллерия. Это, если судить по звуку, стреляли 10,5-см немецкие полевые гаубицы, довольно опасные для любого советского танка.

Даже прочнейшая сталь КВ не могла выдержать их попаданий, что вскоре подтвердилось: один из «Ворошиловых», идущих вслед за Костиными «тридцатьчетвёрками», получил под

башню снаряд и загорелся. Прочнейшая броня выдержала много попаданий, но это оказалось роковым, последним. У КВ заклинило люк, вылезти на броню и сбить пламя оказалось невозможным, экипажу пришлось срочно эвакуироваться – огонь пробирался уже внутрь, грозил боеукладке. Ещё минута-другая – и рвануло бы...

Второй «Ворошилов» и две Костины «тридцатьчетвёрки» всё ещё сражались, продолжали атаку – упрямо шли вперёд, несмотря на бешеный огонь немецких орудий. Снова команда «Короткая!» – и Костя припал к прицелу, наводя орудие на всё тот же зарытый в землю немецкий танк.

Надо было непременно сжечь его – стоит прямо на дороге, как говорится, не обойти, ни объехать. Спрятался в своей яме, одна только башня торчит. И хищно поводит из стороны в сторону стволом-«хоботом», выискивая цель. К счастью для Кости, густой дым от загоревшихся изб и сараев закрывал немцу обзор, мешал точно ударить по Т-34. А Костя немца уже выцелил: чуть-чуть поправил наводку, чтобы снаряд лёг в нужное место, и снова нажал ногой на педаль. На это раз выстрел был удачным – чушка наконец-то пробила броню «тройки», и та загорелась.

Из танка, как тараканы, полезли члены экипажа в чёрных комбинезонах, и тогда стрелок Миша Малов дал по ним злую, короткую очередь – двоих срезал начисто, одному, кажется, удалось уйти.

Остальные двое нырнули обратно внутрь – спасаясь от смертельных очередей. И погибли: ещё минута – и Рз.ІІІ взорвался. От детонировавшего боекомплекта его сначала слегка подбросило вверх, приподняло (даже гусеницы провисли), а затем тяжело шлёпнуло о землю. И он буквально развалился на части.

Костя не стал ждать, пока гитлеровцы придут в себя, рванул дальше. Стоять во время боя смерти подобно, нужно активно маневрировать. На злобно твякающие маломощные 37-мм Рак.35/36 он даже внимания не обратил – не пробить его толстой брони, значит, неопасны. Его главной целью был следующий танк – спрятавшийся в амбаре. Уничтожит его, и тогда дорога на Скирманово открыта.

В принципе, он свою задачу уже выполнил – выявил немецкие батареи и пулемёты, по ним теперь работают танки капитана Гусева и старшего лейтенанта Бурды. Уцелевший КВ тоже активно помогал – бил по передовой линии, добивал последние огневые точки противника, крушил укрепления. Вверх летели куски дерева, части орудий и миномётов, разорванные тела... Тяжёлая немецкая артиллерия, немного постреляв, почему-то замолкла – наверное, сэкономила боеприпасы. Костя Чуев (да и все в бригаде) знали, что со снабжением у немцев не очень, они остро нуждаются в снарядах, особенно для тяжёлой артиллерии. Вот и приходилось беречь заряды. В любом случае это играло на руку советским танкистам: «тридцатьчетвёрки» уже практически ворвались в село. Ещё одно, последнее, усилие...

Костин Т-34 и немецкий танк, спрятанный в амбаре, выстрелили одновременно – и оба попали. Советская чушка полностью разворотила бревенчатую стену (так и было задумано – чтобы обнажить броню панцера), а бронебойная болванка «тройки» ударила в башню «тридцатьчетвёрки». К счастью, покатые листы в который раз спасли экипаж – снаряд, оставив на танковой «скуле» длинную чёрную рваную рану, с визгом отлетел в сторону.

Но удар всё же был весьма ощутим: в голове у Кости резко загудело, в лицо полетели острые, режущие кусочки стали, вскоре по лбу и щекам потекла горячая липкая кровь. Чуев крепко сжал зубы – надо терпеть, уводить машину сейчас нельзя, очень уж удобная позиция. Ладно, получай, немец, сдачи, долбанём ещё раз, уже более точно. Показал заряжающему Локтеву кулак, тот закатил в казённый очередной болванку. Танковая дуэль: кто быстрее и точнее – тот и победит. И останется жив.

Костя успел первым – нажал на педаль на секунду раньше. Выстрел – и болванка чётко вошла в лоб «тройки». Добавки не потребовалось – вражеская машина, тяжело вздрогнув,

разом загорелась, изнутри повалил едкий чёрный дым. Танковое орудие опустилось вниз – как хобот у смертельно раненого слона. Экипаж вылезти не успел, очевидно, задохнулся и сгорел внутри...

* * *

Сообщения Советского информбюро

Утреннее сообщение 11 ноября

В течение ночи на 11 ноября наши войска вели бои с противником на всех фронтах. Наши авиачасти, действующие на тульском участке фронта, 9 ноября уничтожили и вывели из строя 21 немецкий танк, 80 автомашин с военными грузами, рассеяли и уничтожили до полка мотопехоты противника.

За последние дни на Западном фронте нашими частями взята в плен большая группа немецких солдат. Показания пленных свидетельствуют о дальнейшем упадке морального и физического состояния немецких солдат. Все пленные солдаты имеют измождённый вид. Все они в грязном, лёгком и истрёпанном обмундировании, вшивые и страшно грязные.

Вечернее сообщение 11 ноября

11 ноября под Москвой сбито 4 немецких самолёта. Части командира Миронова, действующие на Тульском участке фронта, за последние 4 дня истребили более 1000 немецких солдат и офицеров, захватили 7 орудий, 19 миномётов, 300 ящиков мин, 38 пулемётов, более 200 винтовок, большое количество патронов и гранат, 2 радиостанции, более 100 лошадей и много другого военного снаряжения.

* * *

Из дневника начальника Генштаба ОКХ Франца Гальдера

10 ноября 1941 года, 142-й день войны

...Потери с 22.6 по 6.11.1941. Ранено 15 919 офицеров и 496 157 унтер-офицеров и рядовых; убито 6 017 офицеров и 139 164 унтер-офицеров и рядовых; пропало без вести 496 офицеров и 28 355 унтер-офицеров и рядовых.

Итого потеряно 22 432 офицера и 663 676 унтер-офицеров и рядовых.

Общие потери сухопутных войск Восточного фронта (без больных) составляют 686 108 человек, то есть 20,17 % общей численности войск Восточного фронта (3,4 млн человек).

11 ноября 1941 года, 143-й день войны

Обстановка на фронте. Группировка сил и намерения противника в районе между Тулой и Донбассом по-прежнему остаются неясными... Положение в полосе танковой группы Гудериана, вне всякого сомнения, крайне напряжённое...

...Фон Бок считает, что состояние войск делает сомнительным выполнение даже ближайшей задачи. Так что он поставил своим войскам предварительную ограниченную цель: выход к Москве-реке в районе Москвы и к каналу Москва – Волга.

Точка зрения фон Бока: если даже мы достигнем только промежуточной цели, то и тогда следует начать наступление, так как всякое ожидание приближает угрозу наступления суровой снежной зимы. Перегруппировка войск невозможна. Нужны лишь целеустремлённые тактические действия, сообразующиеся с обстановкой.

Противник предпринимает мощные атаки против танковой армии Гудериана. 2-я танковая армия оттянула на себя силы противника, находящиеся южнее Оки, и таким образом

настолько облегчила положение 4-й армии, что у неё есть возможность перехода в наступление...

Обстановка на фронте вечером. Успешные бои на правом фланге танковой группы Гудериана. Условия передвижения на северном фланге 2-й армии, по-видимому, также несколько улучшились.

Глава вторая

Слева и справа от Кости кипел бой – советские танки доламывали немецкую оборону: давили артиллерийские орудия и миномёты, утюжили блиндажи и окопы, расстреливали оставшихся пехотинцев. Гитлеровцы спешно отходили в глубь села: короткими перебежками, прячась за избами и сараями, пробираясь огородами и задворками. «Тридцатьчетвёрки» вслед за ними не спешили: учёные уже, хватит!

Ясно, что немцы давно и хорошо приготовились к обороне, у них за каждым углом, за каждым деревом – солдаты со связками гранат. Кинут под гусеницу – и всё, приехали. Или же бутылку с зажигательной смесью – на двигатель, тоже ничего хорошего. Нет, нужно дожидаться мотострелков, пусть сначала очистят улицы. Две «тридцатьчетвёрки» из Костиной роты, изрядно побитые, с вмятинами на броне, но всё ещё на ходу, а также уцелевший КВ отползли чуть-чуть назад, освобождая дорогу советской пехоте.

Костя же остался на окраине – очень удобная позиция. Гитлеровцы его не видят, а он простреливает практически всю улицу. Приказал отвести танк за полуразрушенный амбар и ждать. Где там наши славные мотострелки, кстати? Что-то их не видно... По идее, должна были быть уже здесь – они же бежали прямо за танками.

Костя решил отправить на разведку заряжающего Громова – поглядеть что да как. Борис вскоре вернулся, доложил: гитлеровцев вблизи не видно, судя по всему, отошли назад метров на двести-триста, но и наших – тоже. Зато со стороны сельского кладбища отчётливо доносится винтовочная пальба, слышны длинные пулемётные очереди и залпы танковых орудий – там бой, и довольно-таки жаркий. Значит, скорее всего, подмоги нам не дожидаться, все силы брошены туда. Ладно, подумал Костя, до темноты у нас время ещё есть, как-нибудь продержимся. Но если мотострелки через час-два не подойдут...

Остаться в Скирманово на ночь было никак нельзя: немцы, как только немного очухаются, попытаются вернуть себе позиции на окраине. А он со своим Т-34 здесь один, без всякого прикрытия.

Пока светло, ещё можно будет отбиться, благо, боеприпасов достаточно, но когда стемнеет... Придётся отходить. Иначе подберутся незаметно и сожгут танк. Или, что ещё хуже, попытаются взять его в плен.

Костя открыл башенный люк, высунулся, с удовольствием глотнул холодного (хотя и пахнущего дымом и гарью) воздуха. Внутри от пороховых газов совсем уже нечем было дышать. Протянул руку к ближайшему сараю, зачерпнул с крыши полную горсть чистого снега, умылся. Лицо и руки были грязные от копоти и дыма, волосы – потные, слипшиеся, а на лбу и щеках – кровавые ссадины, это от мелких стальных сколов, отлетевших от брони во время немецких попаданий. Раны неглубокие, но долго кровоточат.

Родной «тридцатьчетвёрке» тоже изрядно досталось – стала вся чёрной от многочисленных ударов пуль и снарядов, а всё, что на ней было навешено сверху (запасные траки, цепи, ящики с инструментами), срезало начисто. К счастью, кроме небольших вмятин на броне и рваной полосы на «скуле» башни, никаких серьёзных повреждений и пробоин не было. Можно сказать, легко отделались. Теперь всё дело за пехотой: она должна подойти и очистить улицы. Тогда можно наступать дальше.

Но советские пехотинцы не могли поддержать Костю Чуева и других танкистов. В начале боя, как и положено, они дружно побежали в атаку, но вскоре, попав под сильный пулемётный огонь, залегли. Самое неприятное было – непонятно, откуда бьют.

Вроде бы передняя линия противника уже прорвана, все его огневые точки подавлены, но... Поливали раскалённым свинцом так, что головы от земли было не поднять. Бойцы упали в снег, зарылись, кто как мог. Над ними со свистом проносились пули, взрывали снег белыми

фонтанчиками. И ещё падали мины. К счастью, многие не взрывались, а лишь с противным шипением уходили в глубокие холодные сугробы.

Воспользовавшись замешательством мотострелков, гитлеровцы сами пошли в атаку – из села выскочили автоматчики. И открыли бешеный огонь – стреляли прямо на ходу, что называется, всером, от живота, при этом патронов не жалели. Рассчитывали, наверное, взять на испуг не слишком опытных красноармейцев, заставить в панике бежать. Случись это – и советские танки, прорвавшиеся в Скирманово, остались бы без поддержки. Бери голыми руками! Но они жестоко просчитались: автоматчикам противостояли не какие-то плохо обученные, необстрелянные новобранцы, а уже опытные воины, имеющие опыт. Они не отступили, не побежали, остались лежать на поле и дожидаться танков капитана Гусева.

Которые, разумеется, вскоре подошли. Михаил Катукоев приказал комбату Гусеву уничтожить немецких автоматчиков – что тот с удовольствием и сделал. Несколько залпов из танковых орудий, короткие точные очереди из ДТ – и всё в порядке: автоматчики, потеряв значительную часть людей, побежали обратно в село.

Но пехота по-прежнему не могла подняться и атаковать – их всё ещё густо поливали свинцом. Вскоре стало понятно, откуда ведётся этот бешеный, яростный огонь – со стороны кладбища. Значит, надо его очистить.

* * *

С неба опять сыпалась колючая ледяная крупа, тёмные мохнатые тучи низко висели над землёй, а столбик термометра уверенно падал вниз. Лейтенант Вальтер Штосс, командир второй роты первого батальона 7-го танкового полка, зябко поёжился – да, это Россия. По календарю лишь середина ноября, а гораздо холоднее, чем в самом лютном январе в родной Германии. Причём намного, намного холоднее! Просто какие-то жуткие сибирские морозы!

Вальтер потёр руки – от ледяного металла они стали почти белыми, нитяные перчатки совершенно не грели. При такой минусовой температуре, конечно, лучше было иметь варежки, тёплые и удобные, тогда пальцы не мёрзли бы, но где их взять? И ещё пригодились бы русские валенки, в которых ноги никогда не мёрзнут – в отличие от тонких немецких сапог. О тёплой же шапке и байковом нижнем белье приходилось только мечтать. Лёгкая немецкая форма никак не подходила к суровым условиям русской зимы. Но только она была и у него, и у всех его подчинённых. И у всех солдат Вермахта на Восточном фронте...

Перед позициями 7-го танкового полка лежало большое кочковатое картофельное поле, покрытое глубоким снегом. Урожай, конечно, давно уже собрали, ещё в сентябре, но под сугробами ещё можно было найти мелкие клубни. Немецкие солдаты, сидевшие в охранении, выкапывали их ночью и готовили себе еду. Снабжение полка происходило крайне плохо, нерегулярно, к тому же в последнее время привозили в основном одну только чечевицу (иногда макароны), и очень хотелось как-то разнообразить столь скудный рацион. Выкопанные из ледяной земли клубни были мёрзлыми, сладковатыми на вкус, в тепле они размокали и превращались в полужидкую кашу, которую смешивали с сухарной крошкой или мукой (слава Богу, имели) и лепили из этого всего что-то вроде картофельных оладий.

Для жарки пользовались сковородками, конфискованными у местных жителей, – изъяли, что называется, на нужды Великой Германии (вместе с серой мукой грубого помола, подгнившими свёклой, капустой, морковкой и луком). Из полумёрзлых овощей варили что-то типа жидкого супа, из муки пекли тонкие пресные лепёшки (когда в очередной раз не привозили свежего хлеба), а картофельные оладьи, как правило, шли на ужин. На сладкое – жидкий, бледный чай с одним-двумя кусочками сахара (немного, но ещё было). Про кофе же, пусть даже эрзац, можно было не думать.

Как и про табак: с куревом был вообще полный швах. Сигареты и папиросы у всех кончились, а подвоза не предвиделось. Иногда танкистам везло – удавалось выменять у местных крестьян (на бензин и машинное масло) немного русской махорки – чертовки крепкой и вонючей, но зато очень забористой. Не то, что родное германское курево – довольно-таки слабенькое. От сигаретного голода приходилось даже выискивать по карманам последние табачные крошки и делать самокрутки.

И эти мучения – из-за проклятой русской зимы и несносных дорог! Подвоза боеприпасов, горючего, запчастей, продуктов, табака приходилось ждать по несколько дней. То льют сплошные дожди – и дороги размокают так, что грузовики не могут пройти (даже гусеничная техника!), то, наоборот, вдруг ударят такие морозы, что машинное масло густеет, и двигатели перестают заводиться. К счастью, солдат выручал гужевой транспорт, но тут была другая проблема: мощные, рослые немецкие кони, привезённые из родной Германии, голодали (не могли есть грубую солому и гнилое сено), мёрзли, болели и быстро гибли. В смысле выживаемости они значительно уступали неказистым, низкорослым, мохноногим, но очень выносливым русским лошадам, далёким (как говорили) потомкам тех самых степных скакунов, на которых ордынцы когда-то появились на Руси вместе с ханом Батыем. Монгольские коняшки быстро приспособились к русским условиям: легко переносили холод и голод, были неприхотливы в еде и весьма терпеливы, безропотно тащили любые грузы.

Так что дело с гужевым транспортом у русских обстояло гораздо лучше, чем в Вермахте. Что было обидно. На счастье, часть русских лошадей захватили при наступлении, и теперь они исправно и прилежно трудились на благо Вермахта, в том числе возили продукты и боеприпасы для панцергренадёров 7-го танкового полка, первый батальон которого защищал восточную часть Скирманова. На самом краю стояла рота обер-лейтенанта Франца Фогеля (в подчинении – шесть бронированных машин, четыре «тройки» и две «двойки»), а лейтенант Штосс со своими пятью панцерами (три Pz.II и два Pz.III) образовывал как бы вторую линию обороны. Одновременно он прикрывал позиции Фогеля с левого фланга.

В двух ротах было одиннадцать лёгких и средних танков – совсем немного, учитывая, что им противостояли тяжёлые «Ворошиловы» и крайне опасные Т-34. И это не считая лёгких маневренных «бэтэшек»! Но больше ничего командир 10-й панцерной дивизии генерал-майор Фишер для защиты Скирманова выделить не мог: после трёх недель наступления у него осталось в строю всего около ста тридцати машин – из более чем двухсот шестидесяти в сентябре – октябре 1941 года. Часть панцеров давно пришлось отправить в Чехию на капитальный ремонт (и они ещё не вернулись), часть – просто бросить на разбитых, раздолбанных русских дорогах (эвакуировать не представлялось возможным), а часть вообще восстановлению не подлежала – уничтожены полностью. В 7-м панцерном полку майора Рудольфа Герхарда боеспособными были тридцать пять машин, все они сейчас находились в Скирманово или же в его ближайших окрестностях.

Лейтенант Штосс спрятал свои Pz.III в амбарах – прямо за зарытыми глубоко в землю «тройками» Фогеля (пусть их прикрывают!). А лёгкие Pz.II приказал замаскировать во дворах под копны сена. Он думал так: «тройки» будут стрелять русским в бок, а «двойки» – в корму (если КВ и Т-34 прорвутся в село). Пробить стальную защиту новых «тридцатьчетвёрок» (а тем более гигантов «Ворошиловых») было очень непросто, особенно для слабых 20-мм пушек «двоек», поэтому важно правильно выбрать позицию. И ещё – точное время: стрелять только тогда, когда русские пройдут мимо и подставят свои слабые места. И, само собой, бить только с близкой дистанции. И ещё очень была нужна удача – чтобы остаться потом в живых.

Если не повезёт – русский повернёт свою башню и вцепит в ответ 76,2-мм болванку. И неважно, куда она попадёт, всё одно – конец, точно пробьёт броню. Хорошо, если экипаж успеет выскочить и спастись.

Южные и северные окраины Скирманова прикрывали машины второго танкового батальона, они же образовывали и оперативный резерв. Майор Рудольф Герхард (он стал командиром 7-го панцерного полка недавно, после гибели подполковника Теодора Кейсера) не хотел бросать в бой сразу всю свою бронетехнику, прекрасно понимая, что если потеряет её, то не сможет идти дальше. А бои, судя по всему, предстояли ещё долгие и упорные. Может быть, гораздо тяжелее, чем сейчас.

Большевики не только не собирались отходить от Скирманова, но и готовились к контрнаступлению – об этом говорили данные воздушной разведки. Немецкие лётчики сообщали: к селу из тыла подтягиваются новые советские части – в том числе и танковые. Значит, нужно скоро ожидать контрудара. А у него задача не только сохранить этот тактически важный плацдарм, трамплин для будущего наступления на Москву, но и сберечь хотя бы часть своих машин. В 10-й панцерной дивизии (да и вообще во всей 4-й танковой группе Гёпнера) остро ощущалась нехватка техники, а из Германии новая почти не поступала. Хорошо, что выручали ремонтники, успевали починить что-то, вернуть в строй часть подбитых и вышедших из строя машин. Иначе давно пришлось бы переводить панцергренадёров в пехоту. Раз панцеров уже нет... А этого, само собой, никому не хотелось.

В штабе 10-й танковой дивизии говорили, что заходить в Москву они не станут – что было вполне понятно и логично. Панцеры не предназначены для уличных боёв, они нужны для прорыва, окружения и разгрома полевых армий противника. Скорее всего, их направят в обход города, чтобы блокировать с востока и северо-востока. Четвёртой танковой группе Гёпнера, по слухам, надлежало соединиться с частями Гейнца Гудериана за каким-то там Измайлово. Майор Герхард понятия не имел, где это и что это, но знал, что им надо будет обогнуть русскую столицу по широкой дуге, проламываясь через плотную подготовленную оборону, преодолевая фанатичное сопротивление защитников города. Наверняка русские будут до конца стоять за свою Москву.

Так что технику следовало беречь, а для этого – не подставлять под прямые удары Т-34 и «Ворошиловых», действовать преимущественно из засад, быстрыми наскоками. Выстрелил – отошёл, спрятался. Высунулся – снова выстрелил. Именно так и собирался драться осторожный, умный командир 7-го танкового полка майор Герхард. Но всё пошло не так. Быстрая (и успешная!) танковая атака на Скирманово заставила его пересмотреть свои планы.

Сначала пришлось бросить в бой автоматчиков из резерва – чтобы отогнать от села советских мотострелков и восстановить положение. Но они не справились со своей задачей и сами отступили. Тогда вынужденно послал в атаку второй танковый батальон, хотя очень не хотелось – берёг до последнего. Герхард вызвал по радиации гауптмана Дитриха Дидера и приказал ему ударить по русским с фланга – уничтожить прорвавшиеся танки, а заодно хорошенько проутюжить залёгших в снег красноармейцев.

Панцеры Дидера, прячась за низенькими избами, осторожно вышли на поле, а потом, взметнув снежную пыль, выскочили навстречу советским машинам. Завязалось танковое сражение: «тридцатьчетвёрки» капитана Гусева повернули наперерез панцерам – нельзя позволить им раскатать залёгших в поле мотострелков.

Силы были неравные: шесть Т-34 против десяти немецких «троек». Рз.ІІІ стали стрелять издалека, надеясь поразить «тридцатьчетвёрки», но особого успеха не имели. Да и не могли иметь: Т-34 маневрировали, ловко уходили от выстрелов, уклонялись, увёртывались. И сами били в ответ. Обе стороны вскоре потеряли по одной машине: Т-34 и Рз.ІІІ, обменявшись встречными выстрелами, сумели подбить друг друга. Немец с разбегу встал, уткнувшись тупым «рылом» в сугроб, замер на поле, а «тридцатьчетвёрка» ещё какое-то время продолжала стрелять, поддерживая товарищей. Затем её экипаж вылез на броню, скатился в снег и, низко пригибаясь, побежал к мотострелкам. После этого последовал ещё ряд быстрых дуэлей, и общее соотношение сил стало три к пяти. Гауптман Дидер, лишившись половины своих

машин, трезво оценил ситуацию и попросил разрешения отойти, майор Герхард его дал: лучше потерять часть позиций, чем все свои танкеры.

Но бой на этом не закончился: советские мотострелки всё ещё не могли идти дальше – их по-прежнему прижимали к земле немецкие пулемёты. Подавить их вызвался старший лейтенант Александр Бурда со своими «бэтэшками» – вот где будет самая работа! Лёгкие, подвижные БТ молнией ворвутся на немецкие позиции, пролетят над траншеями, сомнут, раздавят пулемёты, расстреляют солдат. А он на своём Т-34 поддержит их с тыла – чтобы не закидали гранатами, не сожгли, не взорвали. Броня у «бэтэшек» слабая, двигатель – карбюраторный, бензиновый, достаточно бросить на моторный отсек связку гранат или бутылку с горючем. Сгорят мгновенно...

* * *

Сообщения Советского информбюро

Утреннее сообщение 12 ноября

В течение ночи на 12 ноября наши войска вели бои с противником на всех фронтах.

Вечернее сообщение 12 ноября

За 11 ноября уничтожено 25 немецких самолётов. Наши потери – 5 самолётов.

За 12 ноября под Москвой сбито 5 немецких самолётов. За 11 ноября нашей авиацией уничтожено и выведено из строя 50 немецких танков, 200 автомашин с пехотой и военными грузами, 5 тяжёлых орудий, более 10 зенитных точек, 20 мотоциклов, рассеяно и уничтожено более полка пехоты противника.

* * *

Из дневника командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Федора фон Бока

11.11.41

...Число эшелонов, занятых снабжением группы армий, сократилось до 23 в сутки. Этого едва хватает для удовлетворения наших насущных ежедневных потребностей.

Я сообщил о настоящем положении вещей Браухичу и добавил: если быстрое накопление запасов не может быть достигнуто, мне придётся отдать войскам приказ готовиться к зиме и глубже закапываться в землю. Невозможно держать их в открытых окопах на протяжении следующих четырёх недель, так как уже сегодня вечером температура опустилась на десять градусов ниже нуля. Браухич в общем и целом согласился с высказанными мной соображениями и пообещал в самое ближайшее время проверить ситуацию с железнодорожным транспортом.

12.11.41

...Имели место контратаки русских против левого крыла 2-й танковой армии, которое медленно перегруппировывается для наступления в северо-восточном направлении. Заводить моторы танков становится всё трудней в результате падения температуры до 20 градусов ниже нуля. Большое число грузовиков ломается из-за езды по обледеневшим дорогам с очень глубокой колеёй.

* * *

Из дневника начальника Генштаба ОКХ Франца Гальдера

12 ноября 1941 года, 144-й день войны

Поездка в Оршу на совещание начальников штабов.

Поездка по Минску, который почти полностью разрушен. В городе осталась примерно половина населения (свыше 100 000 человек). Картины бедственного положения военнопленных.

Вечером – прибытие в Оршу.

Глава третья

Майор Рудольф Герхард был опытным офицером, а потому неудача с танковой контратакой его не смутила. Да, пришлось отступить, да, потеряли людей и часть техники, но село-то в целом отстояли! Русские топчутся где-то на дальних подступах, не могут преодолеть картофельное поле, и потери у них немаленькие. Что же касается нескольких Т-34, прорвавшихся на восточную окраину села, то это не беда, дальше они не пройдут. В засаде уже ждут их панцеры лейтенанта Штосса.

У него ещё четыре машины, значит, сумеет задержать большевиков. А время играет на нас, на Вермахт: световой день в ноябре короткий, скоро станет темно, и тогда русским придётся отойти – иначе будут уничтожены. Нужно лишь немного подождать, потянуть время. Желательно бы, конечно, нанести большевикам ещё какой-то урон, выбить ещё пару-тройку «тридцатьчетвёрок» или «Ворошиловых», но это уж как получится. Пока же результат боя можно было считать удовлетворительным.

Майор подумал и решил, что самое время применить старую военную хитрость – засаду с маскарадом. По его приказу немецкие солдаты быстро переоделись в советскую форму (благо, её имелось достаточно – сняли с пленных и убитых) и пошли на сельское кладбище, изображать якобы прорвавшихся красноармейцев.

Тогда мотострелки непременно поднимутся в атаку – поддержать своих – и, естественно, попадут под кинжальный огонь MG.34, установленных между могилами. И те выкосят наступающих как траву. Недаром же немецкие пулемёты называют «газонокосилками»! Русские будут отлично видны на фоне белого снега, промахнуться практически невозможно! Тем более с такого расстояния. После этого большевики вряд ли скоро придут в себя и предпримут новую атаку.

Если повезёт, удастся заманить в засаду и советские танки: несколько Pak.35/36 спрятали за кладбищенской оградой. И хорошо замаскировали – вкопали по самые щитки в землю, выкрасили белилами, а сверху закрыли ещё верёвочными сетками с густо вплетёнными кусочками белых тряпок и бинтов. Совершенно незаметны на фоне снега, лишь стволы чуть торчат из сугробов. Противотанковые Pak.35/36 хоть и слабенькие, калибр всего 37 мм, но для советских лёгких «бэтэшек» вполне хватит, сожгут непременно, и из экипажа не уцелеет никто: не успеют выскочить.

Хороший был план, что и говорить, но одного не учёл умный майор Герхард: советские командиры набрались боевого опыта, а потому весьма скептически отнеслись к невесть откуда взявшимся в селе красноармейцам. Старший лейтенант Александр Бурда по радиации доложил о странной ситуации Михаилу Катукову: вижу на территории кладбища каких-то непонятных бойцов в советской форме. Может, это кто-то из наших соседей?

Михаил Ефимович очень этому удивился: никого не должно быть! Ополченцы полковника Чернышёва сражаются совсем в другом месте, а свои родные мотострелки – вот они, на картофельном поле, лежат в снегу. Значит, это маскарад: гитлеровцы устроили для нас представление – своего рода костюмированный бал. Ладно, посмотрим, кто здесь самый умный и хитрый. И приказал Бурде открыть огонь по непонятным пехотинцам.

Заработали 45-мм пушки «бэтэшек», вскоре к ним присоединилось и 76,2-мм орудие Т-34 самого комроты. Над покосившимися крестами и замёрзшими могилами встали чёрно-красные взрывы, вверх полетели доски от блиндажей и земляных укреплений. Пулемётные точки «гасли» одна за другой. Досталось и артиллеристам – причём по полной. Как ни укрывались они, как ни прятались, как ни маскировались, но всё равно всех обнаружили и накрыли орудийным огнём.

После этого советские танки, проломив с ходу каменную ограду, ворвались на погост. И пошли давить гусеницами немецких пехотинцев, утюжить ещё «живые» пулемётные точки! Гитлеровцы, не выдержав, бросились наутёк – срывая на ходу и кидая в грязный от взрывов снег чужие шинели и ватники. Не дай Бог в неразберихе свои же примут за противника и расстреляют.

Но убежать и спастись удалось далеко не всем – многие так и остались лежать на сельском кладбище, что весьма символично. После боя убитых немецких солдат даже таскать далеко не пришлось – похоронили тут же, свалив в ямы от блиндажей и закидав сверху землёй и снегом. Пусть пока здесь полежат – до весны. А как оттаёт почва, похороним уже лучше, основательней, закопаем глубже – так, чтобы и следа от них на нашей земле не осталось. Чтобы не было ни памяти о них, ни знака какого-то на месте их бесславной гибели.

Мотострелки, ободрённые смелой атакой танкистов Бурды, наконец поднялись и пошли на Скирманово. С нестройным «ура», утопая по колено в снегу, добрались до кладбища, а затем – и до окраинных улочек. Гитлеровцы отступили, не оказав серьёзного сопротивления.

Но их отход продолжался недолго: буквально через двадцать минут, едва наши бойцы закрепились на околице, сражение вспыхнуло с новой силой. Немецкие солдаты, засевшие в деревенских избах, дрались отчаянно, стреляли из окон, из подвалов, с чердаков. Винтовочный разнобой то и дело прерывался длинными пулемётными очередями – патронов, видимо, ещё было в достатке. Битва шла за каждую избу, за каждый амбар, за каждый сарай и курятник.

* * *

Как-то давно, ещё в школе, Костя прочёл в одной книге, что война пахнет порохом. Может, так оно раньше и было – в прежние времена, но сейчас она пахла совсем иначе: раскалённым металлом, копотью и бензином. И ещё – горелым человеческим мясом. От чадающего в амбаре панцера несло густым смрадом, чёрный дым лился на заснеженную деревенскую улицу. Внутри немецкого бронированного «гроба» догорали останки экипажа.

Недалеко от полуразрушенного амбара, где укрылся Т-34, осторожно шныряли немецкие автоматчики, пытались подобраться ближе. Костя усмехнулся: давайте, дорогие гости, ждём! И приказал мехводу Лесовому: теперь вперёд! Пора снова поработать.

На другом конце Скирманова, у кладбища, шёл ожесточённый бой, значит, нужно помочь своим, отвлечь гитлеровцев. Да и стоять уже без дела, прятаться было нельзя: гитлеровцы пришли в себя, сейчас начнут охоту на одинокий Т-34. Нужно или совсем уходить, или же... Костя выбрал второй вариант: немного времени ещё есть, до темноты пара часов, можно развить успех. А там как получится... Оставить село всегда успеем, это легко, но как потом забрать его обратно?

Двигатель натужно взревел, Т-34 выполз из своего укрытия и оказался прямо посередине улицы. Немецкие солдаты брызнули в разные стороны:

прижались к земле, залегли в придорожных канавах (может, не заметят?), спрятались за невысокими палисадниками.

Костя слегка толкнул мыском сапога Ивана Лесового: двигай прямо, попытаемся прорваться в центр Скирманова. Даже один советский танк – и то сила! Шли по деревенской улице не спеша: внимательно смотрели по сторонам, наблюдали за домами, где прятались гитлеровцы. Они пока не решались подбежать и метнуть на броню «зажигалку» или же гранату, ждали чего... Наверное, уж слишком грозно выглядел Костин Т-34! Чёрный от копоти, с круглыми вмятинами на башне и длинными рваными полосами на корпусе, надсадно, гулко ревуший, громыхающий гусеницами, бьющий из пушки и пулемётов... Такого зверя так просто не убить!

Но вот из узкого проулка показался немецкий танк, Pz.III. Сначала чуть высунулся скошенный «нос», затем появилась кургузая, словно обрезанная, пушка и, наконец, – квадратная, лобастая башня, которая тут же начала поворачивать короткий «хобот» в сторону «тридцатьчетвёрки».

Командир «тройки», видимо, решил: пора уничтожить этот наглый русский танк! Конечно, по идее, ему следовало бы ещё немного подождать, пока Т-34 не пройдёт мимо и сам не подставится бортом, но уже, видимо, не терпелось. Или же пришёл приказ – немедленно вступить в бой, пока этот русский не натворил дел. Может прорваться в центр и разбить баррикады, за которыми прячутся немецкие пехотинцы. Наскочит на полной скорости, подомнёт под себя – и конец всем.

Костя Чуев, к счастью, успел заметить вылезающий панцер, крикнул Ивану Лесовому: «Короткая!» Танк, слегка качнувшись, замер, заряжающий Борис Локтев привычно загнал в казённый бронебойный снаряд. Костя закрутил рычаг наводки орудия и одновременно стал ловить в тонкую сетку прицела «лоб» башни «тройки». Сейчас, подожди, ещё пара секунд... Важно было попасть с первого раза, чтобы панцер не успел ответить: расстояние очень короткое, 50-мм немецкая пушка почти наверняка пробьёт броню Т-34. В такой дуэли побеждает тот, у кого крепче нервы, твёрже рука и вернее глаз.

Костя уже почти закончил выцеливать панцер, когда перед его танком встал чёрно-красный фонтан – опять заработали 10,5-см немецкие гаубицы. Взрывная волна стальным молотом ударила по машине, Костя на короткий миг потерял сознание, из носа и ушей пошла кровь. Но, к счастью, быстро пришёл в себя и крикнул Лесовому: «Уводи!» Иван мгновенно всё понял, налёг на рычаги, «тридцатьчетвёрка» медленно, но верно начала пятиться, уходя с линии огня.

Но перед тем как отступить, Костя всё же успел выстрелить: дотянулся ногой до педали, нажал. Пушка звонко бабахнула, стальная чушка полетела в сторону «тройки». Попал или нет – Костя не понял, но панцер на его выстрел не ответил. «Значит, всё-таки влепил», – решил про себя Чуев. Немецкие гаубицы попытались достать его, накрыть огнём, но Иван Лесовой отлично знал своё дело – как правильно уходить из-под обстрела. Резко кидал машину вправо, влево, вилял, прятался за деревья... Через пять бесконечных минут «тридцатьчетвёрка» отползла на исходные позиции – за полуразрушенный амбар. Там уже не достанут – толстые старые тополя отлично прикрывали машину.

Теперь следовало отдышаться, глотнуть свежего воздуха и осмотреть танк – всё ли в порядке? Чтобы потом, если понадобится, повторить атаку. Но уже по-другому: не переть нагло по улице, а попытаться обогнуть через огороды. Там хоть и вязко (мокрый снег, земля и глина), но зато намного безопаснее, меньше вероятности нарваться на очередной панцер. Немецкие машины не столь проходимы, как наши, ледяной каши и грязи очень боятся. Значит, есть шанс появиться внезапно и нанести неожиданный удар. А затем опять отойти, спрятаться, попытаться выманить противника на себя, под свой выстрел.

Тактика засады, хорошо освоенная Костей ещё в первые месяцы войны, полностью себя оправдывала: гитлеровцы не привыкли к внезапным коротким столкновениям, когда всё решали личный опыт и умение (а также талант – без него в бою тоже никак!). Они больше полагались на правила, уставы, на утверждённую и крепко выученную тактику боя. Единоличная дуэль (танк на танк, выстрел на выстрел) рассматривались как вынужденная мера при лобовом столкновении с противником. Гораздо лучше, удобнее и безопаснее, как считалось, действовать сообща, в составе роты и батальона, идти в бой строгим строем (скажем, «углом назад»), поддерживая и прикрывая друг друга, чем сражаться в чистом поле один на один.

Так что Чуеву было гораздо проще, чем немцам: он полагался только на самого себя (и на экипаж, разумеется) и ни на кого больше. И не ждал никаких приказов, распоряжений, решал всё сам. Ибо уже на опыте знал: счёт в танковом бою идёт на секунды, докладывать некогда,

надо думать самому. И именно от твоего решения зависит не только собственная жизнь, но и жизнь твоих боевых товарищей.

В конце концов, взвесив все «за» и «против», Костя решил оставить Скирманово. Жаль было, конечно, покидать с таким трудом завоёванные позиции, но драться дальше в одиночку не позволяла ситуация. Во-первых, горючее подходило к концу, а без него танк лишь мёртвая стальная коробка, лёгкая добыча для пехоты. Во-вторых, с боеприпасами тоже было уже не очень. И, в-третьих, самое главное, начинало темнеть. Скоро синие сумерки станут фиолетовыми, а затем настанет и ночная темнота. Да и погода начала портиться: пошёл мелкий, колючий снег, грозивший скоро перерасти в настоящую метель. И тогда искать своих будет гораздо сложнее.

Костя высунулся из башни – осторожно, прикрываясь люком, осмотрелся, прислушался: главный бой по-прежнему шёл на другом конце Скирманова, у кладбища. Там, судя по всему, наши успешно теснили гитлеровцев. Здесь же, по центру, пока никакого движения не наблюдалось. Две уцелевшие «тридцатьчетвёрки» ждали его на окраине, держали под прицелом разбитые немецкие позиции, но долго оставаться там они тоже не могли. И их судьба тоже зависела от Костиного решения.

Чуев ещё минуту подумал, а потом отдал команду Лесовому – давай, Ваня, назад, к своим. Нужно пополнить запасы (и снарядов, и горючего), узнать, что там с нашей мотопехотой (почему залегли, не побежали за нами, не поддержали?), да и поесть не мешало бы. С самого раннего утра, как говорится, во рту маковой росинки не было, не получалось перекусить – хотя бы сухарями.

«Тридцатьчетвёрка» осторожно выползла из-за укрытия и, стараясь по возможности избегать открытых, простреливаемых мест, пошла к околице. Немецкие пехотинцы её не преследовали – очевидно, устали от тяжёлого, напряжённого боя. Танк переполз через немецкую передовую – раздавленные орудия и тела убитых солдат уже основательно припорошило свежим снегом, вышел на картофельное поле. Теперь через него – и к сосновому лесу, где находятся передовые позиции родной бригады.

Через пять минут «тридцатьчетвёрка» Кости Чуева покинула село и, прихватив два своих танка (сержанта Капотова и старшины Смирнова), пошла к лесу.

* * *

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ № 260 ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ на 8:00 13.11.1941

...16-я армия частью сил (1 гв. тбр, 27 и 28 тбр, 365 сп) в результате наступления овладела районом Скирманово – Марьино и продолжала бой в районе Козлово. Попытка противника наступать из района Михайловское на Углынь была отбита с большими для него потерями. Противник в беспорядке отошёл, потеряв свыше 150 человек убитыми и ранеными. Захвачено в плен 34 немца.

Положение остальных частей 16-й армии, частей **5-й, 33-й и 43-й армий** – без существенных изменений. На фронте поиски разведчиков обеих сторон.

* * *

Сообщения Советского информбюро Вечернее сообщение 14 ноября

В течение 14 ноября наши войска вели бои с противником на всех фронтах.

За 13 ноября нашей авиацией, действующей на Западном и Южном фронтах, уничтожено 25 немецких танков, 5 бронемашин, более 300 автомашин с пехотой и военными грузами, 15 полевых орудий и 25 зенитных точек, 4 автоцистерны с горючим и до полка пехоты противника.

* * *

Группа армий «Центр» 1а

№Т1102/41, секретно

Штаб-квартира, 13.11.41,

02 час, 10 мин.

СУТОЧНОЕ ОПЕРАТИВНОЕ ДОНЕСЕНИЕ 12.11.1941

4-я танковая группа:

...В полосе 40 ак противник после сильной огневой подготовки с применением артиллерии и ракетных установок атаковал крупными силами при поддержке танков плацдарм Скирманово. После упорных кровопролитных боёв населённый пункт был нами оставлен. В ходе боёв силами 10 тд было уничтожено 15 вражеских танков (из них два 52-тонных) и 4 повреждено. 10 тд также понесла большие потери в живой силе и технике. Погиб командир 7-го танкового полка подполковник Кейсер.

* * *

Из дневника командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Федора фон Бока

14.11.41

...2-я армия, смыкая ряды, продолжает медленно продвигаться в восточном направлении.

Все армии жалуются на плохое снабжение: не хватает буквально всего – продовольствия, амуниции, топлива и зимней одежды. Поскольку число эшелонов, задействованных для снабжения группы армий, ограничено, как-то улучшить положение в этой сфере не представляется возможным. Всё это, естественно, сильно затрудняет подготовку к наступательным операциям.

Вечером фон Клюге сообщил о тяжёлых боях, имевших место при отражении мощной атаки русских, и сказал, что из-за этого подготовка армии к наступлению продлится дольше, чем запланировано. Клюге намеревается атаковать 17-го, задействовав своё северное крыло, группу Гёпнера (4-я ТГ) и V корпус с ограниченной целью: выйти широким фронтом к дороге на Истру и захватить командные высоты у Теряево. Я не могу удовлетворить его требование относительно передачи в его распоряжение своего последнего резерва, 23-й дивизии, пока ситуация на правом крыле 9-й армии окончательно не прояснится.

Грейфенберг только что вернулся с конференции начальников штабов, проводившейся генерал-полковником Гальдером. О продвижении далеко на восток, чему всячески противилась группа армий, теперь забыто. От группы армий требуют сделать только то, что она в силах.

* * *

Из дневника начальника Генштаба ОКХ Франца Гальдера

14 ноября 1941 года, 146-й день войны

Обратный путь. Остановка в Молодечно.

Молодечно. Русский тифозный лагерь военнопленных. 20 000 человек обречены на смерть. В других лагерях, расположенных в окрестностях, хотя там сыпного тифа и нет, большое количество пленных ежедневно умирает от голода. Лагеря производят жуткое впечатление. Однако какие-либо меры помощи в настоящее время невозможны.

В Вильнюсе с докладом явился полевой комендант подполковник Ценпфенниг. Малоутешительные картины корыстолюбия в гражданской администрации. Литовцы малопригодны для выполнения административных задач.

В Каунасе для доклада явился оберфельдкомендант полковник Юст. Он подтвердил неутешительную картину своекорыстия и эгоизма в гражданской администрации и среди рабочих по отношению к вооружённым силам. Тяжёлое положение пленных. В лагерях для военнопленных свирепствует сыпной тиф. Отмечается большая недисциплинированность закупочных команд, которые прибывают из Восточной Пруссии.

Глава четвёртая

Конференцию начальников штабов трёх групп армий («Север», «Центр» и «Юг»), а также других частей, участвовавших в наступлении на Восточном фронте, генерал-полковник Франц Гальдер назначил в Орше, маленьком белорусском городке, стоящем на слиянии двух рек – живописной Оршицы и полноводного Днепра.

На его выбор повлияло несколько факторов: во-первых, Орша располагалась относительно недалеко от главного театра военных действий. Во-вторых, добраться туда можно было относительно легко – и по железной дороге, и по воздуху (есть приличный аэродром). И, в-третьих, она не слишком пострадала во время недавних сражений. Если, конечно, не считать полностью разбитой железнодорожной станции, разнесённой в пух и прах ещё в июле мощным залпом советских реактивных миномётов БМ-13.

Немецкие эшелоны, только прибывшие из Варшавы (с бронетехникой, артиллерией, людьми и боеприпасами), накрыло тогда так, что ничего не осталось. А людям казалось, что разверзся настоящий ад. Станция буквально утонула в огненном шквале и взрывах. Танки и бронемашины сгорели почти полностью, а солдаты испытали такой шок, что потом их еле-еле сумели привести в чувство. Безумный страх гнал людей прочь, заставлял далеко убегать, забиваться в каменные щели развалин, прятаться в лесу. В общем, ужас невыносимый и непередаваемый.

Но в целом Орша осталась в довольно неплохом состоянии. И улицы её не были слишком разбиты военной техникой и ударами бомбардировочной авиации. Что также являлось немаловажным фактором – учитывая обычное – отвратительное! – состояние русских дорог. Если разобраться, советские автострасы нельзя было назвать даже шоссе, не говоря уже об определении «автомагистраль» (хотя на штабных картах они обозначались именно так). По сути, просто некие направления.

С точки зрения привыкших к хорошим трассам немцев – это был просто ужас: разбитые, раздолбанные, в ямах и жутких рытвинах, часто без всякого покрытия. Передвигаться по этим «шоссе» следовало крайне осторожно – чтобы не застрять, не провалиться куда-то. После любого дождя (даже небольшого) грязь на этих, с позволения сказать, «автострадах» была такая, что в ней увязали не только легковушки и грузовики (садились чуть ли не по самые борта!), но даже гусеничная техника. И выволить её из этой липкой, рыжей глины было очень, очень непросто.

Для штабной конференции выбрали здание бывшего католического монастыря, построенного ещё во времена Речи Посполитой: его толстые каменные стены обеспечивали необходимую защиту, а просторные комнаты прекрасно подходили для работы. От решений, которые собирались принять на этой конференции, зависела вся ситуация на Восточном фронте. И прежде всего – под Москвой.

На повестке дня, по сути, стоял один только вопрос: надо ли группе армий «Центр» (при поддержке групп армий «Север» и «Юг») продолжать своё наступление на большевистскую столицу или же лучше остановиться, окопаться на уже достигнутых рубежах и дожидаться более благоприятных условий? Пережить, перетерпеть страшную зиму, пополнить личный состав, получить из Германии новую бронетехнику и артиллерию, накопить запасы продовольствия, горючего и боеприпасов. Солдаты и офицеры должны отдохнуть: прийти в себя, отоспаться, отъестся, отмыться, избавиться от надоевших блох и вшей. И опять стать лучшими в Европе. А не быть такими, как сейчас: грязными, невымытыми, небритыми, дрожащими от холода, словно какие-то последние бродяги и оборванцы.

Вопрос с резервами и пополнением стоял очень остро: за октябрь – начало ноября численность личного состава в пехотных полках и дивизиях упала более чем наполовину, коли-

чество боевых машин в танковых дивизиях сократилось на две трети и даже больше. В 6-й танковой, например, в строю осталось лишь шестьдесят машин (из двухсот в начале октября), а в 4-й танковой – и того меньше, всего тридцать восемь (из ста шестидесяти). И так было практически во всех танковых частях.

Снабжение армий (и полевых, и танковых) осуществлялось крайне плохо, боеприпасы, продукты, лекарства, запчасти, горючее поступали совсем не в том объёме, какой требовался: вместо ста тридцати – ста сорока железнодорожных составов в сутки приходило от силы двадцать – тридцать, иногда даже меньше, всего пять-шесть. Германские паровозы оказались не приспособлены к русской зиме – застывали на лютom морозе, превращаясь, по сути, в груды железа. Товарных вагонов и платформ резко не хватало, с цистернами была просто беда, а железнодорожные мосты и рельсы, помимо всего прочего, регулярно взрывали партизаны, что весьма осложняло доставку людей, техники и припасов. К тому же для нормальной работы железнодорожников требовалось перешить широкую русскую колею на узкую европейскую, но с этим тоже были проблемы.

Доблестным германским солдатам не хватало буквально всего: еды, медикаментов, патронов, снарядов (вот их – особенно), курева... Но главное – зимнего обмундирования и тёплого белья. Большинство до сих пор воевало в летней форме – в куцых шинелях и тонких брюках. Люди мёрзли ужасно, ноги на холоде быстро деревенели – уже через полчаса, а узкие сапоги (к тому же подбитые железными гвоздями!) не позволяли натянуть больше одной пары носков. Обморожения уже были более чем у сорока процентов личного состава пехотных полков и батальонов.

Не легче приходилось и танцergренадёркам: попробуйте неподвижно просидеть несколько часов в стальных ледяных гробах! Танковые моторы, не привыкшие к «сибирским» минусам, отказывались заводиться, приходилось всю ночь греть их, что, само собой, крайне отрицательно сказывалось на состоянии экипажей. Злые, мрачные, не выспавшиеся, обросшие немецкие танкисты совсем не походили на тех бодрых, уверенных в себе, красивых молодых парней, которые пересекли западную границу СССР в июле 1941 года. Новые танкеры в части почти не поступали, а ремонтировать старые (подбитые, повреждённые или просто вышедшие из строя) с каждым днём становилось всё труднее: остро не хватало запасных частей и прежде всего – двигателей и трансмиссий.

Начальники штабов (в том числе и сам Франц Гальдер) прекрасно понимали: задуманный Гитлером блицкриг, по сути, уже провалился, до зимы осталось всего ничего, а поставленные цели так и не достигнуты. Не удался и октябрьский «Тайфун»: немецкие 2-я, 3-я и 4-я танковые группы, несмотря на все старания, не смогли охватить Москву с севера и юга, окружить и блокировать. Четвёртой полевой армией генерала фон Клюге также не удалось выйти на западные окраины города.

Между тем морозы с каждым днём крепчали: столбик термометра ночью опускался уже до минус двадцати – двадцати пяти градусов. А шансы повести зиму в большевистской столице таяли буквально на глазах.

Главный доклад на конференции делал начальник штаба группы армий «Центр» Ганс фон Грейфенберг.

– Готовя планы на будущее, – говорил он, – нам необходимо исходить из того, что в 1941 году не удалось разгромить Красную Армию и уничтожить русскую промышленность. Так что с наступлением зимы нужно задуматься о том, как лучше удержать уже захваченные районы. Наши крупные силы в настоящий момент находятся на Восточном фронте и должны оставаться там, чтобы весной 1942 года, если того пожелает политическое руководство Германии, начать новое движение на Восток...

Фон Грейфенберг лишь повторял то, что и так уже знали и с чем были полностью согласны все генералы, а потому вывод, казалось бы, сомнений не вызывал: остановить наступ-

ление и готовиться к зимовке. Но мнения вдруг разделились. Генералы Зоденштерн и Бреннеке (начальники, соответственно, штабов групп армий «Юг» и Север») высказались за немедленный переход к обороне, но сам Грейфенберг неожиданно предложил иной вариант: наступать и довести «Тайфун» до логического конца, до взятия Москвы. Он, по сути, озвучил точку зрения своего начальника, командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Федора фон Бока.

Главная мысль фон Бока заключалась в следующем: да, силы германских войск на исходе, но останавливаться никак нельзя, ибо будет только хуже. Москва, главная цель «Тайфуна», уже на расстоянии вытянутой руки, всего в сорока-пятидесяти километрах, это несколько дней хорошего наступления. Взятие же большевистской столицы будет означать не только доблестную победу над Советами, торжественный парад на Красной площади и славное окончание войны, но и – что самое важное – возможность провести холодное время в тёплых квартирах. Что гораздо приятнее и комфортнее, чем в деревенских избах, среди вшей и клопов, или же вообще в холодных блиндажах. Кроме того, германские солдаты и офицеры получают отпуск, вернутся – хотя бы ненадолго – домой, к своим родным. Ради этого стоит потерпеть ещё совсем немного, сделать последнее, решающее усилие. Победу в битве приносит часто последний батальон – брошенный в бой в самый важный, ответственный момент, и это знает любой полководец.

Начальник Генштаба ОКХ Франц Гальдер поддержал идею фон Бока: шести оставшихся недель, по идее, вполне хватит, чтобы овладеть Москвой и, таким образом, завершить Восточную кампанию. Да, проблемы потом ещё будут, и немалые, большевики, надо полагать, продолжат сражаться и в 1942-м, но все эти трудности вполне преодолимы. Ни в коем случае нельзя тормозить сейчас, давая возможность русским закрепиться на новых рубежах, подтянуть свежие дивизии из Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. И перейти весной в контрнаступление. Если не добить Красную Армию сейчас, то всего через несколько месяцев она сама напомнит о себе. И тогда германским воинам придётся начинать всё сначала.

Но бороться тогда придётся со свежими, полностью вооружёнными и хорошо обученными частями. Вряд ли русские будут терять зря время, надо полагать, они потратят его на то, чтобы как следует подготовиться к новой кампании. И ещё неизвестно, сколько жертв придётся принести ради победы, цена её в итоге может оказаться гораздо выше, чем сейчас. Кроме того, неясно, насколько затянется Восточная кампания в этом случае, когда и как германские части смогут окончательно добить Советы. А потом идти дальше – на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию...

Фон Бок ратовал за скорейшее наступление, правда, с некоторыми существенными оговорками: рубежом для его группы армий должны стать восточные окраины Москвы. Планы фюрера направить 2-ю танковую армию Гудериана (после захвата Тулы, конечно) на Каширу, Коломну и Рязань, а далее – на Горький кажутся слишком оптимистичными. Если не сказать больше.

Аналогичной точки зрения придерживался начальник гудериановского штаба подполковник Курт фон Либенштейн, он прямо заявил Францу Гальдеру:

– Сейчас не май месяц и мы не во Франции! В качестве конечной цели осеннего наступления можно считать город Венёв, но никак не Рязань и тем более не Горький!

Под сомнение ставился и рейд 3-й танковой группы Рейнгардта на Ярославль, Вологду и Рыбинск: бронетехника и автомашины туда не дойдут (учитывая расстояние, отсутствие дорог и большие проблемы с горючим), пехота же, оставшись без техники, вскоре пропадёт среди бескрайних северных болот и лесов. Или же просто замёрзнет в русских снегах. Об окружении Москвы силами одной 4-й полевой армии генерала Гюнтер фон Клюге можно не говорить: слишком большой кусок для неё, не проглотит, подавится. Единственное, что реально: дойти до западных окраин советской столицы и ждать, когда жители сами покинут город.

Гитлер ещё в середине октября, на совещании в ставке «Вольфшпанце», категорически заявил:

– Входить в Москву мы не будем, я это запрещаю! Кольцо нужно сузить до окружной железной дороги, и эту линию не должен перешагнуть ни один германский солдат! Но всякая капитуляция при этом отклоняется. Понятно, что Советы будут до последнего защищать свою столицу, однако я не могу и не хочу жертвовать своими людьми. И у меня нет ни малейшего желания кормить тех, кто останется в городе! Надо заставить жителей бежать, уходить через специально оставленные проходы. Так мы, во-первых, сохраним жизни наших солдат, а во-вторых, избавимся от лишних ртов. Для этого следует регулярно обстреливать Москву из тяжёлых артиллерийских орудий и производить ежедневные бомбёжки. Город должен достаться нам пустым, без жителей, но при этом всё-таки целым, чтобы было, где зимовать. Без моего распоряжения никаких зданий не взрывать и не уничтожать, это мой категорический приказ! Жителей же выпускать беспрепятственно, они усилят общий хаос в стране и тем самым в итоге помогут нам. Голод и эпидемии сделают за нас всю грязную работу, весной нам, полагаю, не придётся даже по-настоящему воевать, русские будут сдаваться сами – десятками, сотнями тысяч. Они настолько устанут от войны, голода и хаоса, что с радостью примут новую власть.

И Федор фон Бок, и Франц Гальдер прекрасно знали об этих планах фюрера, а также о том, что он мечтает как можно быстрее (и, разумеется, победоносно) завершить Восточную кампанию, чтобы высвободить силы для переброски в Средиземноморье, Северную Африку и Переднюю Азию. Новой задачей для танковых и моторизованных корпусов будет разгром англичан и захват территорий, богатых нефтью, золотом, железной рудой, медью, никелем и другими полезными ископаемыми. Алжир, Марокко, Тунис, Ливия, Египет, Палестина, Сирия, Иран, как неоднократно заявлял Гитлер, должны принадлежать Германии – наряду с Центральной Африкой, Средней Азией, Тибетом, Индией, Индонезией и, возможно, даже частью Юго-Восточной Азии. Правда, в этом случае придётся поспорить с японцами, которые тоже мечтают получить эти сладкие куски бывшей Британской империи. Но колонии должны достаться победителям!

В основании же его крайне амбициозных и далеко идущих планов лежала победа под Советским Союзом и, в частности, быстрое взятие Москвы. Удастся её захватить, всё так и будет, если же нет... Перспективы тогда вырисовывались самые мрачные: лютый холод, глубокий снег, обморожения, болезни. Вокруг – дикая, угрюмая, разбитая, но непокорённая страна. Как тут не вспомнить великого Наполеона и его крайне неудачный поход 1812 года! Из шестисоттысячной армии императора (лучшей в Европе!) обратно вернулось от силы десять тысяч человек. Один из шестидесяти – не самый блестящий результат, прямо-таки скажем. И никакой славы, одно только горькое разочарование и бесславное поражение.

Никто, разумеется, не хотел повторить ошибки Наполеона, фюрер, наоборот, всячески стремился избежать её (и прежде всего – затягивания кампании до зимы), а потому спешил и нервно подгонял своих генералов. Дальнейшая дискуссия, таким образом, не имела смысла (раз Гитлер уже всё решил), и Гальдер быстро закончил её. К чему долгие споры, если в кармане у него уже лежат готовые приказы, касающиеся продолжения наступления на Москву?

И начальник Генштаба ОКХ тут же их озвучил: «Девятой полевой армии генерал-полковника Штрауса совместно с 3-й танковой группой Рейнгардта приказывается двигаться на восток – до канала Москва – Волга, после чего повернуть к Москве, создав таким образом левый клин охвата... Второй танковой армии Гудериана – овладеть транспортным узлом Тула с отлично оборудованным аэродромом, а затем, повернувшись на юго-восток, идти через Коломну на Рязань (блокируя большевистскую столицу с южной стороны). Две другие германские армии, 4-я полевая фон Клюге (на правом фланге) и 4-я танковая Эриха Гёпнера (на левом), должны осуществить фронтальное наступление на Москву. И в конце концов взять её,

разгромив оставшиеся советские части на ближних подступах и сломив сопротивление защитников уже внутри неё...»

Начало общего германского наступления (очевидно, последнего в 1941 году) наметили на 15–18 ноября, в зависимости от погоды и состоянии дорог. Точнее, того, что в России называли дорогами.

* * *

Сообщения Советского информбюро

Утреннее сообщение 15 ноября

В течение ночи на 15 ноября наши войска вели бои с противником на всех фронтах.

За последние дни на различных участках Западного фронта захвачены в плен большие группы фашистов. Грязные, обросшие, в лохмотьях, немцы скорее напоминают собою бродяг, чем солдат регулярной армии...

Вечернее сообщение 15 ноября

В течение 15 ноября наши войска вели бои с противником на всех фронтах.

За 15 ноября под Москвой сбито 4 немецких самолёта.

* * *

Западный фронт, 14 ноября (Спец. воен. корр. «Правды»)

В течение прошедшей ночи и нынешнего дня на Западном фронте особенно напряжённые бои велись на Волоколамском направлении и в районе Наро-Фоминска. Наши части отбивали атаки врага и местами наносили контрудары вражеским танкам и пехоте.

На левом фланге фронта бои также с каждым часом обостряются. Немцы, продолжая в отдельных местах развивать наступление, вводят в бой новые части. Наши войска успешно контратакуют неприятельские силы. Вчера полк немецкой мотопехоты, поддержанный танками, ценой большой крови прорвался к пункту В. и устремился в район Ш. Войска командира Захаркина преградили путь неприятелю. Бои здесь не прекращаются...

Особенно крупные потери немцы понесли на реке Нара. Все их попытки форсировать эту реку и закрепиться на её восточном берегу отражались огнём советской артиллерии. Только одним подразделением, действующим в районе Наро-Фоминска, уничтожено за последнее время до 3000 немецких солдат и офицеров, 300 автомашин, 8 артиллерийских, 15 миномётных и 15 пулемётных батарей неприятеля. Кроме того, здесь нами был подавлен огонь 8 артиллерийских, 20 миномётных и 8 пулемётных батарей.

Авиация Западного фронта за 12 и 13 ноября уничтожила 14 самолётов, 10 танков, 80 автомашин, взорвала бензозаправочную станцию, вывела из строя 4 орудия и расстреляла свыше двух батальонов вражеской пехоты.

На Волоколамском направлении бойцы генерал-лейтенанта Рокоссовского выбили крупные немецкие силы из пункта С., который фашисты пытались превратить в плацдарм для наступления на шоссе. Во время боя наши танкисты подбили и подожгли много немецких танков, которые оставлены фашистами в районе пункта С.

На остальных участках Западного фронта велись артиллерийская и миномётная перестрелка местного характера и разведывательные действия. Относительное затишье, которое царит за последние дни на некоторых направлениях Западного фронта, возможно, является подготовительным этапом для нового наступления немцев.

К вечеру мороз усилился. К нам попадают немецкие пленные с отмороженными ушами и руками. Пленные одеты далеко не по-зимнему.

«Правда», 15.11.1941

* * *

Директива ОКХ

**Группа армий «Центр» Штаб группы армий Оперативный отдел 15.10.1941
№ 1968/41 сов. секретно**

Штаб вооружённых сил Германии приказал:

Фюрер решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником.

Моральное обоснование этого мероприятия совершенно ясно в глазах всего мира. Так же как и в Киеве, в результате взрывов замедленного действия для наших войск возникли чрезвычайные опасности, а поэтому необходимо считаться в ещё большей степени с аналогичным положением в Москве и Ленинграде. То, что Ленинград заминирован и будет защищаться до последнего бойца, объявлено по русскому радио. Необходимо считаться с серьёзной опасностью эпидемий.

Именно поэтому ни один немецкий солдат не должен войти в эти города; всякий, кто попытается оставить города против наших линий, должен быть обстрелян и отогнан обратно.

Небольшие незакрытые проходы, представляющие возможность пропуска потоков населения, устремляющегося во внутреннюю Россию, можно только приветствовать. Кроме того, и для других городов действует правило, что до их захвата они должны быть измотаны артиллерийским обстрелом и воздушными налётами, а их население обращено в бегство. Совершенно безответственно было бы рисковать жизнью немецких солдат для спасения русских городов от пожаров или питать их население за счёт Германии.

Чем большее количество населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем более увеличится хаос в России и тем легче станет управление и использование оккупированных восточных районов.

Это указание фюрера должно быть доведено до сведения всех командиров.

Добавление группе армий:

Недопустимо любое самовольное сожжение населённых пунктов, которое могло бы угрожать расквартированию наших частей.

За командование группы армий

Начальник штаба ФОН ГРЕЙФЕНБЕРГ

Часть вторая Кровь и лёд

Глава пятая

Выехали из Москвы только к вечеру: во-первых, Верховный, как всегда, работал накануне почти до утра, а потому проснулся лишь в одиннадцать часов, во-вторых, это сделали из соображений безопасности: после четырёх начинает темнеть, и немцы уже не летают. Боятся, что не найдут свой аэродром или же не смогут сесть. Значит, меньше вероятности, что заметят с воздуха и нанесут бомбовый удар.

Первым, как всегда, двигался по Волоколамскому шоссе тяжёлый бронированный «паккард» Верховного, за ним – восьмицилиндровый «форд» с охраной. В прежних поездках кортеж обычно сопровождал ещё и автобус с автоматчиками, но в этот раз решили от него отказаться – чтобы не привлекать внимания. В «паккарде», помимо самого Сталина, находились ещё генерал Николай Власик (он сидел рядом с водителем) и два личных охранника. Ехать было недалеко, шестьдесят с чем-то километров – до позиций 4-й танковой бригады Катуква. Осторожный и осмотрительный Николай Сидорович, конечно же, был против этой поездки – слишком опасно, передовая близко, но Сталин настоял.

Он уже не в первый раз ехал на фронт: в начала октября был под Малоярославцем: лично проверял готовность этого важного оборонительного рубежа. А в начале ноября – под Можайском: хотел узнать о настроении в частях. Положение было критическое, можно сказать, отчаянное: Брянский фронт развалился на части (а за ним ещё – Западный и Резервный), советские армии беспорядочно отступали, бросая танки, артиллерию, тягачи, машины и тяжёлое вооружение, Москву, по сути, защищать оказалось некому. Сразу на трёх фронтах (это более восьмисот километров!) зияли гигантские бреши, заткнуть которые было нечем.

Немецкие панцерные дивизии обошли, разорвали оборону Брянского фронта, углубились в тыл сразу на сорок-пятьдесят километров (где-то даже на семьдесят), загнали три советские армии в «котлы». А все попытки Ставки ГКО и Генштаба навести хоть какой-то порядок ни к чему не вели. Было такое впечатление, что командующие фронтами просто не знают, что у них творится: растерялись, утратили связь со своими частями, не управляли ситуацией.

Невозможно было как-то остановить это беспорядочное отступление, создать новую линию обороны: строгие, решительные директивы из Москвы и категорические приказы военных советов не выполнялись, были случаи отхода без боя, без должного сопротивления, просто панического бегства. А в это время 2-я танковая армия Гейнца Гудериана с ходу заняла Орёл (без труда, нагло, одним ударом!), потом захватила Мценск и Малоярославец, стала подбираться к Туле, городу русских оружейников.

В Москве царил панический настрой: все говорили, что столицу не удержат, сдадут. Члены Политбюро и ГКО едва ли не каждый день напоминали Верховному о гениальном решении мудрого Кутузова – пожертвовать Москвой ради спасения армии, настаивали на скорейшем отъезде в глубокий тыл, в Куйбышев. Там всё уже давно готово: построен отличный, удобный бункер, есть надёжная связь со всеми фронтами и армиями. Можно, мол, управлять страной и войсками прямо из него, не подвергая себя ненужному риску (и других ответственных руководителей партии и правительства – тоже).

За Абельмановской заставой стоял под парами специальный литерный состав, ждал своего пассажира. Как и самолёт на Чкаловском аэродроме. Хоть сегодня отправляйся! Но только надо ли? Это и был главный вопрос, на который Сталин хотел получить ясный ответ. Именно

поэтому он в октябре 1941 года выехал под Можайск – понять, как настроены советские бойцы, готовы ли они драться до последнего. И, если нужно, лечь под стенами Кремля.

Поездка на фронт оказалась очень полезной: Сталин понял, что советские бойцы будут драться. До конца, до самой смерти. Настроены очень решительно, отступать не хотят, твердят в один голос: «Отстоим Москву, умрём, но не пустим врага в дорогую столицу! Только вы будьте с нами...» И он их послушал, никуда не поехал, остался в городе.

И, как оказалось, правильно сделал: панику, возникшую 16 октября, быстро подавили, виновных наказали, порядок навели, людей успокоили, новые оборонительные рубежи построили. И приготовились драться дальше.

Сталин самым своим нутром чувствовал: нельзя больше отступать, бежать без оглядки, пятиться, нужно остановиться и дать решительный бой. Вон сколько уже земли потеряли, а что дальше? Идти за Волгу и за Урал? Или же сразу – в Сибирь? Нет, за Москвой для нас земли нет, нужно бить врага здесь, на её подступах.

Сейчас ситуация тоже была, прямо скажем, не очень, немцам удалось ещё немного приблизиться к столице, взять ряд подмосковных городов и сёл. Но уже появилось ясное ощущение того, что в город противник не войдёт. Пусть его отдельные части прорвутся на окраины, пусть даже немецкие генералы увидят в полевые бинокли звёзды на кремлёвских башнях, но на этом – всё. Стало понятно, что прославленные армии фон Бока выдыхаются (особенно – панцерные), они уже потеряли ударную силу. И ноябрьское наступление – это жест отчаяния, последние конвульсивные попытки пробиться и взять-таки Москву. Но не получится у них: гитлеровские армии уже не те, что были раньше, не идут бодро, победно, а еле ползут, цепляются за любые рубежи. Значит, самое время ударить по ним, отбросить назад, подальше от Москвы.

Именно этим, подготовкой к большому контрнаступлению, сейчас и занимался Генштаб. Скоро будет уже всё готово, осталось совсем немного.

Сталин ехал в 16-ю армию Рокоссовского, чтобы посмотреть на действие гвардейских реактивных миномётов. Ставка ГКО в октябре-ноябре передала Константину Константиновичу несколько дивизионов БМ-13, и сейчас «катюши» готовились нанести удар по скоплению немецких войск под Скирмановым. Им поставили задачу поддержать контрнаступление 4-й танковой бригады Катукова и разбить немецкую 10-ю танковую дивизию, серьёзно угрожавшую тылам 16-й армии. Если не сделать этого сейчас, то потом будет поздно: есть вероятность, что она прорвётся к Ново-Петровскому, выскочит на Волоколамское шоссе и зайдёт Рокоссовскому в тыл, что осложнит и без того сложную обстановку на Истре. Вот и решили ударить новейшими реактивными миномётами. Пусть поработают, помогут танкистам и мотострелкам.

Ехали медленно, водитель «паккарда» старался объезжать самые глубокие ухабы и рытвины, но не всегда это удавалось: немецкие самолёты регулярно бомбили Волоколамское шоссе, главную транспортную артерию 16-й армии. «Юнкерсы» разносили в пике военные колонны, обстреливали на бегущем транспортные обозы.

Дорога была вся в бомбовых воронках, лимузин то и дело заносило, он грузно переваливался с боку на бок. Сталин недовольно морщился, но молча терпел: понимал, что таковы уж прифронтовые реалии. Охранники, сидевшие впереди него, мёртвой хваткой держались за поручни – чтобы не дай бог не завалиться на Вождя. К счастью, не приходилось опасаться авианалётов: небо к вечеру заволокло, из низких сизых туч пошёл мелкий снег.

* * *

Немецкие пилоты сидели в это время на аэродромах, отдыхали и ловили по радио музыку. Особенно – студию в далёком Белграде, откуда шли передачи для армии Роммеля в Северной Африке. И на ней же регулярно крутили пластинку с популярной «Лили Марлен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.